

ЕКАТЕРИНА
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

ПРИЗРАКИ
ДОМА

на Торькова

Екатерина Рождественская
Призраки дома на Горького

«Питер»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6

Рождественская Е. Р.

Призраки дома на Горького / Е. Р. Рождественская — «Питер»,
2023

ISBN 978-5-4461-2106-9

Квартира на четвертом этаже на улице Горького, д. 9 хранила свои секреты еще заселения в нее семьи Крещенских: загадочное и так и не раскрытое когда-то убийство таинственным образом повлияло и на жизнь новых обитателей. Бабушка Лида была уверена, что в чулане завелся призрак, а десятиклассница Катя и ее школьная подруга Ирка не упускали возможности вместе поохотиться ночью на эту квартирную нечисть. Но это так, мелочи, потому как в семидесятые здесь, в доме на Горького, помимо призрака уже имелось и «приятное людское наполнение» – известные соседи: Бондарчук, Ефремов, Басов, множество других актеров, режиссеров, физиков и прочих талантов; рядом располагались центровые московские магазины, а из самого крайнего окна квартиры можно было увидеть краешек Исторического музея и чуть Красной площади. В комнату к Кате и вовсе заглядывал хитро прищуривающийся Ленин с огромного уличного плаката Центрального телеграфа напротив ее окна. Автобиографический роман дочери Роберта Рождественского, раскрывающий читателю яркую и наполненную событиями семейную жизнь, где нашлось место приключениям, книгам, любви, учебе, свадьбе и большой трагедии. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6

ISBN 978-5-4461-2106-9

© Рождественская Е. Р., 2023

© Питер, 2023

Содержание

Подноготная	7
Нехорошая квартира	10
Подглядывающий Ленин и новые возможности	15
Книжная жизнь	20
Письмоносцы	23
Лидкин Принц	25
Консьержи	27
Ирка Королёва	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Екатерина Рождественская

Призраки дома на Горького

© ООО Издательство "Питер", 2023

© Екатерина Рождественская, 2023

Подноготная

Квартира на улице Горького в доме номер 9 всем в семье понравилась сразу, но никто из Крещенских не знал, что в ней убили человека. Так и въехали, ни о чем не подозревая. Дом-то о-го-го какой! Не просто красивый, а роскошный! И главное, где – на самой улице Горького (Бродвей, как называли ее у Кати в школе), самый центр – центрее нет! Да еще целых пять комнат, толстые стены, четырехметровые потолки, а на верхних этажах даже шестиметровые, представляете? Все просторное и великолепное, на горизонте из окошка виден Исторический музей и Красная площадь, у лифта всегда кто-то на дежурстве, да еще черный ход имеется и тихий двор. А что в квартире убили человека – никто не сказал. И первый раз, когда ее показывали, и потом, при оформлении документов, – молчок, хотя на том уровне, возможно, и сами были не в курсе.

Вот он, дом номер 9 по улице Горького, сразу за телеграфом. И если бы фотограф взял чуть левее, можно было бы увидеть окна квартиры на четвертом этаже, куда в 1974 году переехала семья Роберта

Дом этот был с богатой, хоть и не очень долгой историей. Построили его в 1949 году, хотя фундамент заложили еще в сорок первом, но тут война – и только что начавшуюся стройку

обнесли забором и забыли до победы. Дом был основательный, внушительный и двухслойный, скорее даже двухъярусный, как торт, – снизу бордово-коричневый дорогуший гранит аж до третьего этажа, а сверху бежевая штукатурка до самой крыши, и сам весь украшенный колоннами, арочками, балкончиками, вензельками и всяческими приятными глазу милыми излишествами. Так вот, в городе ходили слухи, что гранит этот для нижней парадной части здания немцы еще в самом начале войны привезли из Финляндии, чтобы изваять из него нечто грандиозное в честь победы гитлеровской армии над СССР. Но не получилось у Гитлера с блицкригом, война была долгой, а после, опять же по легенде, этот гранит пустили на облицовку великолепного жилого дома на улице Горького, хотя стопроцентного подтверждения эффектной легенде никак не находилось. В общем, об архитектуре грандиозного здания известно было достаточно много, а вот кто жил в тех шикарных квартирах, держалось в тайне, короче, не афишировалось.

Роберт Крещенский все же решил разузнать – жена, Алена, поинтересовалась, что за люди там раньше обитали, просто так спросила, из любопытства. Он же воспринял это серьезно, поскольку в последнее время и сам увлекся историей Москвы и даже отправился хоть за какой-то информацией в писательскую библиотеку, но сведений почти не нашлось, а если и встречались, то очень общие и достаточно скудные. Самый близкий друг Крещенских, Володя Ревзин, был архитектором, вот его-то и попросили поспрашивать про этот дом у своих.

Он бы удивительный, этот Ревзин, очень привлекал к себе, чуткий, естественный, добрый, при этом настоящий мудрец. Но нет, совсем не памятник себе, а подвижный, любопытный, интересующийся, пишущий книги об архитектуре и знающий Москву, как никто другой. Подобные люди в человеческой среде редкости необычайной, те, кто, не имея с тобой кровных и родственных связей, становятся больше чем родными. Таких было совсем мало в окружении Крещенских, а может, и не было вовсе. Познакомились они, когда Алена была беременна Катей, он и принимал вместе с Робертом народившуюся девчонку из роддома. Тихо и по-доброму любил всех Крещенских, уходящих и нарождающихся в течение двадцатого века. У него была шикарная жена Наташа, любимая Алена подруга с самого детства, мудрая княжна осетинских кровей, тоже абсолютно родная.

Знал Володя о Москве много, это было не только его профессией, но и страстью, сам писал замечательные книги, был эдаким современным Гиляровским и мог рассказывать подробно и очень увлекательно о любом закоулке старой Москвы. Говорить с ним было сплошное удовольствие, он был изысканно интеллигентен, но, когда входил в раж, было его уже не остановить. Никто, собственно, и не пытался, ничего интереснее его рассказов нельзя было придумать. Помимо Москвы, он любил дочку Ольку, своих друзей, свежесваренный чай с вишневым вареньем, и все существенные разговоры проходили обычно за столом на кухне у Крещенских.

– Во время войны на месте этого дома долго лежал огромный невзорвавшийся снаряд, сам видел, с ребятами бегали смотреть, его тогда еле обезопасили. Представляете, вот прямо тут, где мы сидим, он и зарылся... И вообще самого дома, по идее, не должно было быть, потому что Сталин в тридцатых в первом генеральном плане реконструкции Москвы решил построить нечто специфическое, необычное, эдакий город-сказку в виде пятиконечной звезды, ну, для того, чтобы внести новые идеологические установки и в архитектуру тоже. Как театр-звезда Советской Армии, если на него смотреть сверху, только в масштабе города. В общем, начертили что-то грандиозное и даже пригласили для консультаций самого Корбюзье! Представляете? Самого Корбюзье! Хотя он какую-то чушь собачью предложил – снести старую московскую застройку, оставив только Кремль и Китай-город, и построить практически новый город! Ну что вы хотите, человек мира, не москвич, не прочувствовал как следует. Эх, мне бы хоть пять минут с ним поговорить, я бы у него столько всего выпросил... – Вова взглянул в окно и мечтательно посмотрел на наглого голубя, который ходил, как цирковой, по парапету. –

Но, слава богу, тот проект в виде звезды довольно быстро похерили, что, как мне кажется, очень даже и хорошо.

А про дом номер 9 по улице Горького Вова разузнал не так уж и много, но точно знал, что братья-архитекторы называли его «фурцевским», потому что Екатерина Фурцева, будущий министр культуры, въехала в него еще в 1949-м, чуть ли не самой первой, и строго следила за тем, кому там собирались давать квартиры. Была тогда уже первым секретарем Фрунзенского райкома партии Москвы и членом Верховного Совета СССР, власть имела большую, вот и выбрала себе жилье, воспользовавшись служебным положением. Соседей отбирала сама, отсеивала неугодных или просто непонравившихся, хотела, чтоб вокруг жили товарищи интеллигентные, достойные, не буйные и тем более не запойные, а исключительно старенькие академики в шапочках, известные артисты, желательно, чтоб народные, прям с афиш, всяческие герои соцтруда с орденами на лацканах, статные боевые генералы в красивой форме, дисциплинированные и молодцеватые. Такой дом-мечта считался бы первоклассным во всех отношениях, отличаясь от других не только сталинско-ампирной помпезностью фасадов, но и приятным людским наполнением. Так и сделала.

Нехорошая квартира

Выписали в нем квартиру, продолжал Вова, в то первое заселение, и одному видному архитектору, сталинскому любимцу, который обустроивал послевоенную Москву, облагораживал набережные и парки, в общем, как тогда писали, изменял архитектурный облик столицы. Там беда и случилась. Подробностей той страшной трагедии не знает никто, дело было темное, его сразу замаяли, но доподлинно известно, что архитектор, хозяин квартиры, как-то вечером спустился вниз к лифтерше с охотничьим ружьем в руках и попросил вызвать милицию. Бесстрастно так сказал, буднично, словно сантехника звал кран починить или за газетами пришел, и, опираясь на винтовку, как на посох, спокойно потом вошел в лифт и поехал к себе обратно на четвертый этаж, в квартиру номер 70.

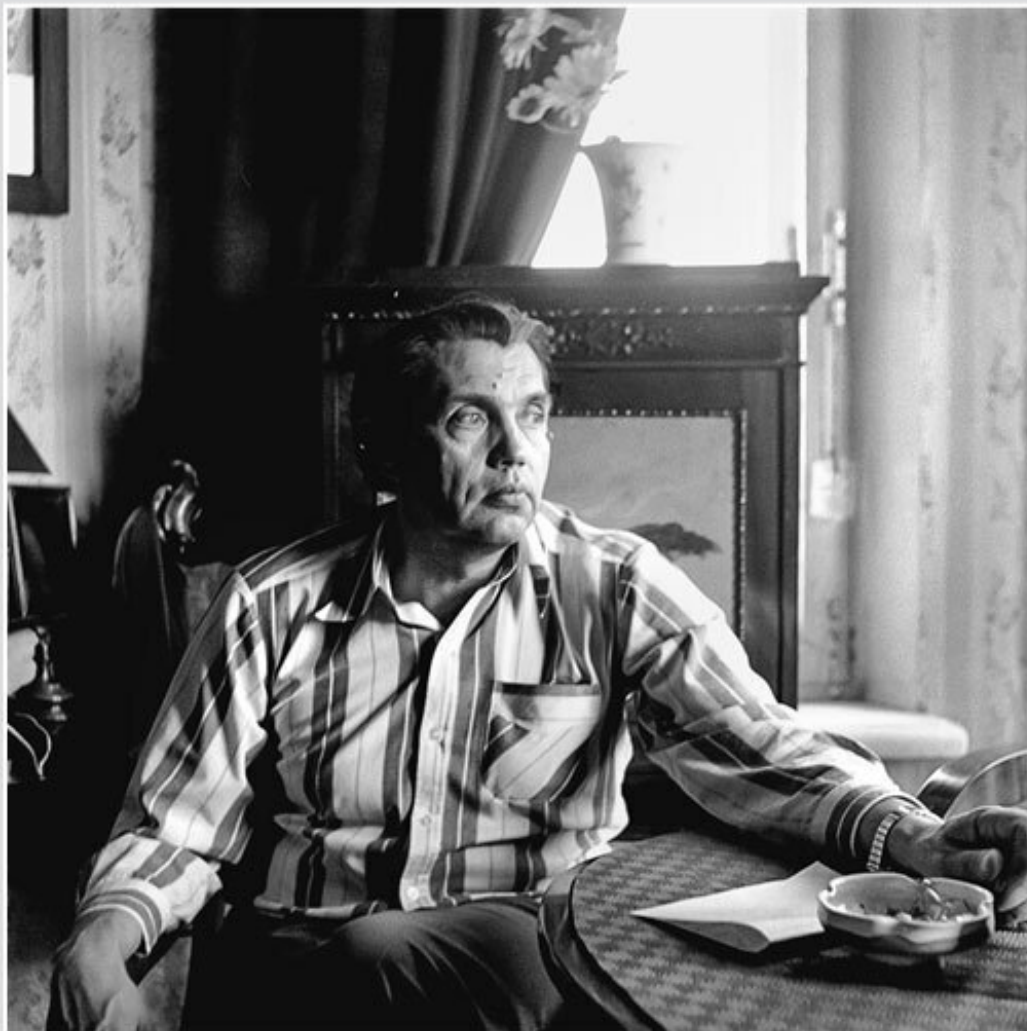

Почти в таком составе семья и переехала на новую квартиру – Роберт, Алёна и две дочери, Катя и Лиска. На фотографию не попали еще двое – Лидка, которая готовила на кухне обед, и спаниель Бонька, собачий лентяй, храпящий где-то под столом

Примчалась милиция, поднялась на этаж, увидела страшную картину – единственного архитекторского сына с простреленной головой, который сидел за отцовским рабочим столом, залив кровью чертежи и бумаги, и его мать тут же без чувств, в глубоком обмороке. А хозяин рядом, в полном ступоре и не в силах вымолвить ни слова. Как все случилось, при каких обстоятельствах, жильцам известно так и не стало, дело сразу засекретили. Архитектора посадили под домашний арест, но вскоре отпустили за недоказанностью улик. Самострел, объявили. Как только уголовное дело было закрыто, жильцы нехорошей квартиры одним днем сложили пожитки и уехали из Москвы, оставив квартиру исполкому.

Кого-то вселили снова, потом жильцы еще раз поменялись, никто по разным причинам в квартире 70 долго не задерживался, пока наконец в 1974 году сюда не въехала семья извест-

ного советского поэта Роберта Ивановича Крещенского все в том же составе: сам Роберт с женой Аленой, их две дочери – десятиклассница Катя и мелкая четырехлетняя Лиска – и Лида, Лидия Яковлевна, их любимая бабушка по маминой линии. Да, и собака Бонька. Несмотря на полуженское имя, Бонька был мальчиком, полным именем Бонифаций его никто никогда не называл.

Роберт в домашней обстановке

Про тех первых жильцов и эту трагедию Крещенские узнали не сразу, вышло это совершенно случайно. Кто-то из сотрудников ляпнул Лиде в паспортном столе, и даже не кто-то, а старейшая паспортистка, которая сидела там со времен царя Гороха, ветеран труда, так сказать, она и спросила, мол, эта 70-я квартира теперь ваша? Та самая, в которой отец когда-то убил своего сына? Как же, помню-помню, переоформляли тогда, столько лет уже прошло, а мурашки до сих пор, вот ужас-то... Лида, вытаращив глаза, стала расспрашивать, что да как, и, хотя деталей не знал никто, а только в общих чертах, понаслышке, поняла, что да, застрелили парня, было такое, в самой дальней комнате с чуланчиком, есть у вас комната с чуланчиком-то? Значит, там, хоть и говорили, что это самоубийство. Отец то ли застукал сына за чем-то, то ли прознал о том, что ему не полагалось, вот и стал сыну ружьем угрожать. Тот забился от него сначала в чуланчик, а когда вышел по его требованию, тот посадил его за стол, требуя какие-

то ответы, а потом и не сдержался, порешил. Так что не повезло вам, гражданочка, квартира непростая, с сюрпризом.

Лида, трусиха знатная, запаниковала. Что делать, не понимала. Ведь в квартире уже живут, все отлично, в комнате с чуланчиком Робочкин кабинет, он же спальня, в чуланчике полочки и вешалки с костюмами, гардероб вроде как, а сам Робочка пишет себе стихи с утра до вечера, грех жаловаться. И вот теперь такое. Лида подумала сначала домашним про это не говорить, но как в себе такие новости удержать, вот и пришлось признаться Алене с Робертом. Ну, если и произошло когда-то несчастье, то что уж теперь, сказал Роберт, сколько лет прошло, полжизни, многое чего на свете было, на все не откликнешься. В общем, об этом больше разговоры не вели, но Лида, когда дети надолго уезжали за границу, одна никогда старалась не оставаться, а обязательно вызывала пожить к себе сестру Иду и еще кого-то из подруг – Олю или Тяпу с Надей. Павочка уже ушла, похоронили, отплакали. Еще и нянька Нюрка, конечно, была, но защита из нее небольшая, никакущая, можно сказать, всегда при ребенке, или гуляет, или спать укладывает, в призраков вообще не верит, хоть и деревенская, но все дело, хоть еще один живой человек. Анатолия часто звала, вечного своего гражданского мужа, которого приобрела еще в прошлой жизни, в прямом смысле достав из-под земли – сидел он в своей оркестровой яме и играл на альти, безумно красивый и глупый до невозможности (Поля, Лидина мама, пригвоздила его говорящим прозвищем Принц Мудило). А Лидка в это время выкаблучивалась на сцене с другими кавалерами, задирая ножки прямо у него перед глазами. Так они и нашли друг друга. Но жениться – ни за что, Лиде хватило первого раза, когда Аллусин отец, не Толя, а Борис, вернулся из странствий и привел к ней с дочкой в дом новую жену.

Роберт с мамой Верой Павловной и Иосифом Кобзоном

Семью Крещенских Анатолий, он же Принц, безоговорочно и по-настоящему полюбил, сначала Лидку, звонкую и легкую, а через нее и остальных, сильно, всем сердцем, навечно. И очень вписался контрастом, как полная им всем противоположность. Скупой до невозможности (он называл это практичностью), Анатолий переводил любые отношения в денежные.

Практически как Карл Маркс, которого часто зачем-то цитировал. Когда Лидка ему на это пеняла, он на голубом глазу (а глаза у него были вправду небесно-голубые) отвечал, что дело не в деньгах, а в их количестве, и ни разу не забывал взять свои десять копеек за буханку бородинского хлеба, когда Лидка просила его по дороге купить. Деньги, мол, счет любят. Часто экономил на транспорте – или шел пешком, или ехал зайцем. Был болельщиком «Спартака» и не снимая носил значок ГТО, перекалывая его, как орден, с будничного пиджака на праздничный. А еще был заядлым собирателем писем, а также филокартистом – коллекционировал открытки, причем без какой-то особой темы, а так, что найдет. И Алена с Робертом, зная эту его страсть, из любой страны и из каждого города старались посылать на его адрес открыточку с приветом. Любил «шибануть правдой», по его же личному выражению, считая, что правду говорить легко и приятно. К литературе в целом и к поэзии в частности дышал ровно, не забывая в этом гордо признаться, но обожал солдатские анекдоты, даже не просто солдатские, а солдафонские, и, протяжно смеясь, хрюкал, когда сам их и рассказывал. А так был вполне простодушен, верен, нежен и добр к Лидке и девочкам. Очень часто приходил, и приглашение ему не требовалось. Поэтому Лидка и рассчитывала на него как на самую из всех надежную защиту от того призрака, который мог обитать в чулане. Но когда не было ни Принца, никого другого из подмоги, то кабинет с чуланчиком Лида в целях профилактики наглухо закрывала, при этом обязательно оставляя там приоткрытым окно даже в зимнее время. Она считала, что если чей дух там и водится, то пусть лучше выходит в окно, чем бесцельно шатается по квартире.

Особые «Рождественские» взгляды. Роберт и Алёна, Алёна и Лидка

Через некоторое время ее подруга Оля, не столько набожная, сколько глубоко верующая, предложила Лиде принять единственно правильное решение – освятить квартиру. И когда Алена с Робертом уехали в очередную командировку, явился одетый в гражданское батюшка, походил по комнатам, помахал кадилом, побурчал молитвы и хорошенько обрызгал все святой водой. По Лидиной просьбе подольше задержался в кабинете Роберта.

Освящение квартиры Лида считала необходимым, но оставила это в тайне. И Оле строго наказала. Ведь Аллуся с Робочкой все время в разъездах по дальним и не очень странам, а она дома с детьми, ей требуется духовная защита. Хотя, если посмотреть с другой стороны, понимала, что приход священника в дом известного советского поэта – дело такое, мягко сказать, сомнительное. Ни на чьей биографии это, конечно, не отразится, уже не те времена, слава богу, но осадок у компетентных органов может остаться. Поэтому чем меньше народа знает о визите, тем лучше. А ей самой так спокойнее.

Подглядывающий Ленин и новые возможности

Ну, в общем, разбрелись по комнатам, стали жить.

Жить там было интересно и необычно, особенно Кате.

Она смотрела в окно и видела советский герб и земной шар, который еле заметно крутился прямо у нее перед глазами. Ведь окна квартиры выходили не только на улицу Горького, но и на угол с улицей Огарева, то есть прямо на Центральный телеграф. Земшар был оплетен снопами пшеницы в красных пролетарских полотнищах, а наверху, над всем этим богатством, днем и ночью сияла алая пятиконечная звезда. Где-то там, в этой сложной, но очень знакомой с детства композиции, точно должно было быть написано «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», хотя из комнаты разглядеть это было невозможно. Кроме глобуса, такого наглядного и объемного, виднелось и время на электронных часах, оно было всегда под рукой. Время высвечивалось и днем и ночью, да и герб светился не только по праздникам. Первые дни Катя почти не спала, ведь никогда еще ее ночи так заботливо не подсвечивались. А на 7 ноября почти всю ночь просидела на подоконнике среди горшков с цветами, разглядывая это внушительное здание напротив, закрытое огромным светящимся каркасом, разработанным, видимо, специально обученными инженерами и художниками. Это был своего рода световой театр. Катя видела, что прохожие внизу притормаживают, задирают голову и тоже рассматривают гигантское полотно, восхищаясь, видимо, красотой, полетом мысли, размахом и успехами нашей страны.

Ночной вид телеграфа на 7 ноября. И товарищ Ленин, подглядывающий в праздники в окна к Кате. А чуть дальше по улице скудно освещенная гостиница «Интурист»

Центральный телеграф в будни. Электронные часы и погодный термометр – привычный вид из окна помимо других красот

Стены телеграфа за один день – Катя даже не успела заметить – превратились в громадные, пылающие огнями живые плакаты: в космос дружно взлетали ракеты из маленьких лампочек, на соседнем панно стройными рядами ехали комбайны, собирающие созревшую светя-

щуюся пшеницу, не переставая качали нефть крошечные нефтяные вышки. Будничный и скромный герб, висевший над входом в телеграф, еще вчера совершенно не выделяющийся, за одну ночь приделся в объемный сияющий саркофаг из раскрашенных лампочек с детальной проработкой каждого колоска и каждого флажочка.

Дуэт Муслима Магомаева и Александры Пахмутовой. Роберт, видимо, поет. Про себя

Так называемый «триумvirат»: Бабаджанян, Магомаев, Рождественский, композитор – певец – поэт. Золотой век советской песни, лучшие образцы которой были написаны этой великой троицей

Да еще вывесили и огромный портрет Ленина, в целых два этажа! Ленин подглядывал к Кате в окно, и она по-девчачьи его стеснялась. Он слегка улыбался и немного шурился, глядя на нее, словно был близорук и недоглядывал. Ложась спать, Катя в праздничные дни обязательно задергивала занавески, чтобы огромное светящееся лицо вечно живого вождя не стояло у нее перед глазами и не смотрело по-педофильски на спящую ее. Иногда прореха между занавесками оставалась чуть больше обычного, и тогда от пытливого Ленинского глаза с прищуром деться было совсем некуда, разве что укрыться одеялом с головой. Поэтому перед сном вспоминались совсем не те строчки, которые хотелось бы повторять молоденькой девушке, не сладкий запевный Есенин и не «Какая ночь! Как воздух чист» Фета, а самое что ни на есть ненавистное стихотворение Маяковского:

Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате.
Я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.
Рот открыт
в напряженной речи,
усов
щетка

вздернулась ввысь,
в складках лба
зажата
человечья,
в огромный лоб
огромная мысль.

С этой огромной мыслью теперь и приходилось засыпать.

Лида, бабушка, тоже радовалась новой квартире. Хотя она радовалась всегда и всему. Просто смотрела на любую, даже самую плачевную ситуацию под каким-то своим особым углом и остальных убеждала в том, что все, собственно, не настолько уж и плохо, можно сказать, в порядке, даже более чем. А тут и особый взгляд был не нужен, все и так было роскошно! Все эти высокие потолки, дубовые паркетные, хоть и слегка скрипучие, полы, огромные окна с блестящими латунными ручками, просторная ванная комната, названная Лидкой с ходу купальней, черный ход, которым никто никогда не пользовался, но сам факт его наличия радовал, почта, которую доставляли прямо в прорезь на входной двери, и даже холодильник в нише под кухонным окном, куда влезали тонны консервов, – все это безмерно восхищало Лидку, которая дождалась-таки на закате своей насыщенной событиями, но не удобствами жизни такого высочайшего уровня комфорта.

Роберт с замечательным артистом Анатолием Кузнецовым и его женой, а на заднем плане – Принц Анатолий

Книжная жизнь

Главное, что было особенно важно, соорудили здесь наконец огромную библиотеку, которая на прошлой квартире где только не размещалась – и в Лидкиной комнате на антресолях, и у всех под кроватями, и в платяных шкафах среди обуви, и на подоконниках, и под подоконниками, и вместо подоконников... Хотя назвать то библиотекой было бы кощунством, скорее книгохранилище.

Семейные библиотеки всегда были основой любого наследства, вот и у Крещенских книги, их отбор и чтение уже с давней давности вошли в негласный семейный уклад. Всегда тщательно и придирчиво собирались, и не лишь бы что, валом, поскольку места для них всегда не хватало. А у Крещенских уж было что почитать! За два с небольшим десятилетия существования их семьи книги копились и за счет подписок, и покупок, скажем, у спекулянтов или в букинистических магазинах, и, конечно же, подарочных книг, обязательно с автографами, ведь многие из друзей Крещенских были люди пишущие. Самые современные и читаемые авторы, которых Крещенские знали в лицо, одаривали своими творениями сами, убиваться за ними в магазине было не обязательно. Юрий Трифонов, Виктор Астафьев, Василий Аксенов, Юлиан Семенов, Виль Липатов, Владимир Войнович – все они для Крещенских были живыми людьми, а не только дефицитными томиками на полках. Так, понемногу, год за годом, библиотека выросла, почти вытеснив членов семьи. Это, кстати, и стало одной из тех важных причин, которую указали в заявлении о расширении жилплощади и переезде с Калининского проспекта в сталинский дом с высокими потолками на Горького, 9.

И тут действительно наступила благодать – настроили книжных шкафов по всей квартире до самого потолка, а потолки-то будь здоров, под четыре метра высотой! – и все эти несчастные в прошлом книги, сборники, собрания сочинений, незаслуженно томившиеся в непристойных условиях, встали наконец на свои законные места и на всеобщее обозрение. За стекло, на красивые полки, а особо ценные – под ключ. Потому что, да, книги воровали. И часто. И у Крещенских, бывало, тоже. Были они, не все, конечно, но многие, дефицитным продуктом, ценным и редким. Все Катины любимые французские классики – Дюма, Бальзак, Флобер, Стендаль, Сименон и даже Гюго – в книжных магазинах совершенно не встречались, о них мечтали, но в прямом доступе их просто не существовало. Только в Красной книге. Только по подписке. Конечно же, у Крещенских был блат, как без этого и какой писатель без библиотеки? Книги эти покупались в Книжной лавке писателя на Кузнецком, Катя часто туда с папой ходила, обязательно после звонка директора, не просто так. «Роберт Иванович, пятый том Конан Дойля пришел, когда заберете? Еще Жюль Верна обещают и Ефремова, но я, как только получу сигнал, сообщу вам отдельно».

Крещенским в этом отношении очень крупно повезло, а обычные читатели, не поэты и не члены Союза писателей СССР, выстаивали долгие очереди в книжный, чтобы подписаться на собрание сочинений, и то если повезет, ведь подписывали далеко не всех, а потом еще надо было ждать, когда можно выкупить заветные тома, да и то не сразу, а по мере их выхода. Зачастую приходилось брать в нагрузку к заветным авторам что-то эдакое, совсем нечитаемое – очередного Ленина, скажем, или Брежнева, а то и материалы давно прошедшего съезда КПСС. А еще и макулатуру обязывали сдавать, уж сколько раз Кате самой приходилось вместо уроков ходить по соседним со школой домам и выклянчивать старые газеты и журналы. И не просто так, самой, по собственному желанию, а именно по заданию школы. За двадцать килограммов макулатуры получали не саму книгу, а талон на ее покупку. Вот такая была книжная жизнь, напряженная, непредсказуемая, полная ожиданий, охоты, а иногда даже и опасностей.

И вот на Горького за состояние книжек теперь можно было быть уже вполне спокойными – ни пыль, ни алчные руки до них не доставали. И это тоже доставляло Лидке удовольствие,

которая хоть и не читала с утра до вечера, но семейное добро блюла и наплевательски к нему никогда не относилась, ценила, помнила, что большую часть жизни прожила не то что в бедности – о нищете никто не говорил, – но далеко не в недостатке, особенно в молодые годы. Поэтому зорко следила за сохранностью нажитого. Книжки уже не пылились и не лежали в стопках, а стояли, радуя глаз, гордо красуясь и служа, помимо всего прочего, еще и прекрасным дополнением интерьера. По всем стенам квартиры встали аккуратные застекленные полки, вполне строгие, классические, сработанные вручную отличным краснодеревщиком, но чуть «пикантные», как говорила Лидка, а именно с профилем более светлой породы дерева, обрамляющим стекло, и витиеватыми ручками, которые доставали намного дольше, чем воздвигали сами шкафы.

Катя попервоначально попыталась все эти сотни, а может, даже тысячи томов как-то систематизировать, расставив по алфавиту, но дело не пошло, никто, почитав, на правильное место книжку не возвращал, и система эта похерилась сама собой. Если же кто-то просил книжку почитать, то непременно попадал в Лидкин список должников, который она издавна вела, с тех самых пор, как книги на старой квартире стали нещадно воровать.

В общем, шкафы Лидку очень радовали, ее, собственно, приводило в восторг все, а главное, сама улица Горького. Она, конечно, была роскошной, что и говорить. Солидная такая, широкая, основательная, сразу было понятно, что ведет не абы куда, а на Красную площадь. Машины под окнами негромко шуршали, вели себя вполне прилично, не пылили, не гудели как подорванные, соблюдали очередь к светофору, на рожон не лезли. Милиционеры были понатыканы на каждом шагу, фонари горели исправно, а не через один, вечером трусихе Лидке можно было безбоязненно ходить домой, не озираясь. Да и магазинов было в достатке. С Калининским проспектом, откуда переехали, конечно, не сравнить, там было побогаче, но тоже вполне порядочно, хоть и купить было особо нечего. Прямо под домом, например, располагалась двухэтажная галантерея, да еще несколько других невнятных одежных магазинов. Лидка сходила туда один раз на разведку, посмотрела, пощупала, пофукала и зареклась там больше появляться – не товар, а одна стыдоба – длинные пыльные вешалки деревенских ситцевых халатов необъятных размеров, разложенные по стопочкам семейные панталоны с начесом и блестящие атласные лифчики с бесчисленным количеством мелких белых пуговок, которые без помощи и застегнуть-то невозможно.

И хоть магазины по большей части пустовали, но достать, ухватить, разыскать, урвать что-нибудь в этих центровых местах все-таки было можно. С пустыми руками никогда не возвращались. Напротив дома находился продмаг, который у местных – лифтерша называла его именно так – значился как «кишка». Видимо, из-за своей неимоверной узости и длинноты. В «кишке» всегда пованивало бывшими продуктами, каким-то застойным салом, костной пылью, тухлым мясом и еще чем-то органическим, может, голодным человеческим ожиданием, скорее всего, именно оно могло иметь такой искореженный неистребимый запах. Живая еда редко когда продавалась, в основном законсервированная, замаринованная, засоленная, засушенная. Но ничего, изредка и в «кишку» что-то вбрасывали, ведь этот магазин находился на главной улице страны и иностранцы сюда тоже из любопытства заглядывали. Именно в этом продуктовом Лидка и охотилась – близко, удобно, перешла дорогу – и все, не то что на улицу Герцена ходить – молоко в одном магазине, рыба в другом, и почему-то именно рядом с консерваторией, мясо в третьем, хлеба вообще нет, короче, набегаяешься. И для Лидки как для хозяйки большого дома было это очень важно.

И если «кишка» была на каждый день, то к праздникам надо было охотиться в Елисеевском, что было дальше от дома, и в очередях там надо было отстоять намного дольше и по несколько раз – из отдела в кассу, из кассы в отдел, потом еще и еще раз, можно было целый день там провести. Но за деликатесами – только туда, это и дураку понятно. Намного меньше проблем стало с продуктами, когда известный певец Давид Коб познакомил Роберта с самим

директором Елисеевского, с которым давно дружил, как, впрочем, дружил и со всей Москвой, легко раздаривая эти знакомства, никогда ничего не скрывал, был с друзьями в этом отношении несказанно щедр. Но Лидка Елисеевский не любила – «выставкой народного хозяйства» называла, а предпочитала все-таки ходить напротив, в свою длинную и узкую «кишку».

Письмоносцы

Рано поутру Лидка вместо зарядки разминалась, поднимая газеты и письма с пола около двери. Иногда все у входа было просто засыпано корреспонденцией. Роберт выписывал бесчисленное количество газет и журналов, но почта все равно состояла в основном из писем. Очень люди его уважали за стихи и песни, писали много, жаловались, советовались, хвалили, обращались с просьбами – в общем, по-всякому, а как только он стал вести по телевизору еще и передачу «Документальный экран», то поток писем увеличился в разы. В основном-то советские граждане привыкли отправлять свою корреспонденцию по организациям, начиная, как водится, с обращения: «Дорогая редакция!» Так и шли послания в музыкальный отдел на радио и телевидение, в редакцию журнала «Юность», куда Роберт с самых институтских времен отдавал свои новые стихи, в секретариат Союза писателей, мало ли было адресов! Но, бывало, приходили письма и на адрес Крещенских.

«Дорогой товарищ Роберт!

Думала-гадала, к кому обратиться с наболевшей, если хотите, просьбой, и всплыло перед глазами Ваше честное лицо!

Товарищ Роберт!

Что творится кругом! Нельзя выйти за порог спокойно, без опаски, чтобы в уши не лезли со всех сторон эти гадкие, грязные до ужаса, омерзительные ругательства! Отовсюду они лезут в уши! До чего опустился и распустился народ русский – ни шагу без мата! Даже в метро не стесняются, даже в автобусе, при женищинах и детях! И самое страшное, что ЖЕНЩИНЫ молчат как ни в чем не бывало, как будто так и надо. Ведь что-то надо делать, как-то бороться с этим страшным злом! Ведь грязь эта расползается дальше-больше.

Ну придумайте вы что-нибудь, меры какие-нибудь, вроде штрафа, что ли! Нельзя же молчать и глотать эту мерзость безропотно, беспомощно. Почему наше уважаемое правительство считает, что грязные руки (я имею в виду взятки) страшнее грязных языков?! Ведь, как давно известно всем умным людям, все зло начинается с нечистого языка! Сначала грязные мысли, потом – грязные дела.

Надо с этим бороться!

И лично Вы с Вашим авторитетом многого можете добиться в этом вопросе.

Умоляю Вас, ради светлого будущего наших Детей, в том числе и ваших лично!

Вы обязаны поднять этот вопрос. В газетах, в стихах, на телевидении, в правительстве, если хотите!

Спасать надо язык русский, а вместе с этим надо душу русскую приподнять из грязи, а потом и вырвать ее оттуда. Очиститься! Знаю, на это уйдет время, мы, наше поколение, результатов еще не увидим, но ДЕТИ наши будут очищены!

Не сомневаюсь, что и Вас этот вопрос мучает, удивляюсь только, почему бездействуете.

Галина Иванна Урмузова. Москва, Рязанский проспект».

Письма эти стали неотъемлемой особенностью нового адреса, словно все эти годы ждали, когда наконец семья известного советского поэта переедет на улицу Горького, чтобы пролезть

в заветную дверную щель квартиры номер 70. Со всего Союза, из больших городов и мелких деревушек нескончаемым потоком шло все, что можно было послать по почте, – конверты, открытки, рукописи, вырезки из газет и журналов. Все они пролезали, вздыхая, кряхтя и отталкивая друг друга, чтобы непременно первыми упасть на пол, по которому ходит сам поэт Крещенский! Вздыхала и кряхтела, конечно же, лифтерша Нина Иосифовна, которой из-за переезда Крещенских заметно прибавилось работы. Она и озвучивала кряхтением свою работу рано поутру, когда весь подъезд еще крепко спал.

Особо необычные, интересные или даже жуткие письма – а бывали всякие – Лида отдавала Анатолию, после того как Робочка на них ответит – а он не оставлял безответным ни одного письма, кроме уж самых вопиющих. Сначала складывала их в заветную синюю папку в ящик, где за долгие годы накопились фотографии, театральные программки и либретто из Большого театра, которые аккуратно собирала. Эта папка и раньше была пухлой, а как только семья переехала на улицу Горького, стала расти день ото дня и начинала уже застревать в ящике. Потом Лидка завела отдельную, зеленую, решив не смешивать все эти чужие письма со своими приятными воспоминаниями. Поэтому папок в ящике было теперь три – синяя, зеленая и красная, Лидка специально выискивала по магазинам разноцветные, чтобы нужная сразу бросалась в глаза. В третьей папке, красной и объемной, лежали совершенно другие письма, от друга, несколько лет назад насовсем уехавшего за границу. Видимо, друга можно было назвать уже бывшим, за граница поставила жирную точку в их романтических отношениях, хоть оба они всеми силами старались сохранить эфемерную связь. Он много писал и, случалось, даже звонил, но нет, сердце так сладко уже не замирало и поволоки на глазах не наблюдались. Но Лидка все равно ждала от него письма, ритуал надо было соблюдать.

А зеленая папка с чужими письмами чуть ли не через день опустошалась, и как Анатолий приходил, Лидка вручала ему новую порцию откуда только не пришедших посланий. Чужие письма Лидку тяготили, а Принц всегда радовался новому чтиву.

Лидкин Принц

Анатолий никогда не исчезал из Лидкиного поля зрения с тех пор, как они расстались, и вначале, то есть давным-давно, просто маячил где-то на горизонте. Его всегда обязательно звали на все дни рождения и праздники, со временем он стал приходить и чаще, в будни, давно из мужа превратившись в подругу, хоть имел абсолютно нормальную ориентацию. Получалось, что Лидка с Толей и не расстались вовсе. Он прижился, утвердился и, собственно, был всегда в помощь.

– Ох, девки, – говорила Лидка, несмотря на присутствие Анатолия, убирая со стола и смахивая крошки в ладонь, – поели-попили, переходим к художественной части! – И шла к своему заветному шкафчику, где лежала потрепанная колода карт.

– Ну-с, – начинала она, как старинный доктор, – с чего начнем – партию во фразик или распишем пульт? – Карты, причем только на деньги, были неизменной составляющей быта Лидки и ее подруг.

– Предлагаю свою программу! – Принц выступал со встречным предложением. – У меня она намного интереснее! Какое письмо вам, милые дамы, прочитать – тюремный романс или страдания молодой извращенки?

В этом был весь Принц: письма, на которые Робочка уже ответил, он забирал к себе «в коллекцию» и ими питался, по многу раз читая-перечитывая подругам, вслух и про себя, проживая жизни тех, кто ими необдуманно поделился. Лидка поначалу шипела на него, мол, это невоспитанно и неинтеллигентно так себя вести, чужие письма читать неприлично, а потом махнула рукой и смирилась, после того как Принц вдруг заявил, что учиться на писателя и черпает вдохновение и сюжеты из людских жизней. Ну а как можно было выкинуть письмо с трепетными объяснениями в любви зечки, удивлялся Принц, севшей за убийство мужа, или слишком откровенный и, честно говоря, довольно талантливый поток сознания некой девы, кишащий при этом мерзкими подробностями физиологического характера? Из этого мог бы получиться отличный роман! А роман – дело прибыльное, ухмылялся Принц, особенно не придуманный, а из жизни.

Другое дело, когда такие люди вместо письма заявлялись по адресу лично, случалось и такое. Роберт в разговор с ними очень старался не вступать, пытаясь отправить доброхотов восвояси. В квартиру таких упорных приглашать было просто страшно, Лидка категорически выступала против, вот Робочка и просил прийти в его рабочие часы по адресу: Поварская, 54, и обратиться в секретариат Союза писателей, оставив письмо с просьбой именно там. Некоторые настырничали и не уходили, демонстративно садясь на ступеньки напротив входной двери квартиры, у лифта, всем своим видом показывая презрение и поджимая губы, когда кто-то из домашних выходил на лестничную площадку. Одна баба, искавшая в столице правду и сбежавшего от алиментов мужа, тайно осталась даже ночевать между этажами, о чем узнали только рано утром, когда она, сладко потягиваясь, позвонила в дверь к Крещенским и попросилась в туалет.

– Опасно стало жить, решительно заявляю, – пожаловалась как-то Лидка подругам, при этом многозначительно взглянув на Анатолия, – опасно, честное слово! Во всех смыслах! Дома тревожно, в подъезде страшно, на улице жутко! Ведь не знаешь, что у кого на уме, вдруг какой-нибудь псих нож к горлу приставит! В твоём же собственном подъезде! А у меня, вон, две девки! Аллуся с Робочкой всегда в разъездах, сами знаете, а я тут с детьми постоянно на передовой, можно сказать. С Лиской-то нянька беспрестанно, а Катя? Одна везде бегает хвост задрав, не остановить! И возраст самый, знаете ли, противный – на все свое мнение выкладывает и делает мне восстание каждый день. Как не понимает, я ж постоянно на нервах, и зачем

ей тратить свои нервы, когда есть мои! А с другой стороны, не замаринуешь ведь ее в квартире, ей в институт надо готовиться, репетиторы, школа, беготня вся эта.

– Оставь ее, ради бога, в покое. – Анатолий достал из портсигара сигаретку и постучал ею об стол, оживляя табачную крошку. – Катерину нашу не остановить, у нее шило в одном месте, возраст такой. Лучше я как мужчина поговорю с этими двумя, которые сидят там внизу на часах.

– Да их давно пора гнать отсюда ссаной тряпкой! – вспыхнула Лидка. – Вспомни, какие у нас были лифтеры на Калининском! Муха пролететь не могла! Как на военном объекте! Жили как у Христа за пазухой! А тут... А эти двое... Умереть не встать...

Консьержи

Эти двое, мама с сыном, так называемые консьержи (лифтерами они категорически не желали зваться и всегда всех поправляли: «Мы консьержи»), были действительно умереть не встать. Пригретые ЖЭКом из жалости – кто-то из сотрудников слезно попросил пристроить в Москве на какую-нибудь работу проблемных родственничков из деревни, – они прекрасно прижились на задворках улицы Горького, в подъезде номер четыре. Оба были настолько похожи друг на друга, что казалось, мама в свое время справилась с зачатием и тем более с рождением своими силами, без какого бы то ни было участия мужчины – побряхтела-побряхтела и часть ее просто отпочковалась, шмякнув об пол и превратившись в рыхлого придурковатого подростка в круглых очечках. Маму звали Нина Иосифовна (хотя непонятно было, каким боком этот мифический Иосиф вообще мог оказаться в далекой русской деревне), а ее великовозрастного сына – Василий. Вечно невымытые волосы что у нее, что у ее девятнадцатилетнего «малыша» были зачесаны назад старушечьими коричневыми гребнями, и если у мамыши это выглядело более или менее к месту, то у парня – довольно странно. У обоих на лице красовалась подозрительная улыбка, придававшая их лицам какое-то нецензурное выражение, постоянная, никогда их не оставляющая, независимо от того, о чем и с кем они разговаривали. Как же, как же, читалось по этой улыбке, вы уж говорите что хотите, а мы себе сами все знаем, и знаем правильно. Да, они обладали полной информацией о жизни целого подъезда, а может, даже и всего дома: кто из соседей куда ходит, что покупает и на сколько уезжает из квартиры, поэтому считали себя персонами ключевыми и чуть ли не самыми важными. А в подъезде-то жил, на минуточку, оscarоносный режиссер Сергей Бондарчук с женой неземной красоты Ириной Скобцевой, а в соседних подъездах – замечательные актеры Наталья Селезнева, Олег Ефремов, Владимир Басов, а еще много заслуженных ученых, в основном физиков-ядерщиков и просто физиков. Жили себе и жили, кто со двора, кто с улицы подкатывали вплотную к подъезду на персональных черных «Волгах» с водителями, приветствовали консьержей и поднимались ввысь на скрипучем лифте. Поэтому Нина Иосифовна цену себе, уж будь здоров, знала.

На первом этаже за лифтом, где почти на уровне земли зияло большое грязное окно во двор, мама с сыном оборудовали себе каморку с двумя топчанами, тумбой с электрической плиткой и старым ободраным креслом, которое притащили с помойки. Это унылое жилье от парадной жизни подъезда отгораживала цветастая занавесочка на провисшей бечевке, почти ничего не скрывающая, а лишь подчеркивающая безнадежность и убогость их безотрадного существования. На плите вечно стояла зеленая эмалированная пятилитровая кастрюля, в которой всегда что-то булькало и выкипало, судя по запаху – вечные щи или что-то капустное. И хотя кто-то из них постоянно находился с этой булькающей кастрюлей рядом, каждый день у них что-то все равно, шипя, обязательно подгорало, и тогда мерзкий удушливый смрад поднимался до четвертого этажа и проникал внутрь квартиры Крещенских. Лидка пыталась с ними говорить, что, мол, мало того что вечно кислый запах в подъезде, тараканы, так еще и пожароопасно, загореться может.

– Как вы вообще дышите этим воздухом, Нина Иосифовна? – негодуя спросила Лидка, поводя носом.

– А мы не затягиваемся, – безапелляционно ответила лифтерша и грузно села, по-мужски широко расставив ноги и буравя ее цепкими злыми глазами. – Если хотите – пишите жалобу, – выдавила она из себя. – Нам тоже питаться надо, мы, между прочим, рабочие люди, а тут не предусмотрено. – А по глазам читалось: «Это вы там, баре зажавшиеся, жируете на своих этажах, а мы, простой люд, можно сказать, подножным кормом питаемся, горбатимся тут на вас...»

Лида в глубине души Нину Иосифовну, конечно, жалела как человека, полностью неустроенного в жизни, да еще с этим ее придурковатым сыночком, но что можно было сделать, не портить же с ними отношения, приходилось терпеть. Раз написала в ЖЭК, что хорошо бы улучшить им условия проживания, но ответ был категоричный – их прописка находится далеко от Москвы, пусть снимают жилье. Варят щи там. В общем, бесполезно.

Но в любом случае наличие лифтеров было огромным плюсом. Именно они, скажем, всегда предупреждали о пожаре. Да, пожар был сезонным явлением в доме 9 по улице Горького. Вполне обычным. Как, например, ремонт лифта или прочистка мусоропровода. Маленькие пожарчики подванивали раз в квартал, большой, с красивыми мужественными пожарными в блестящих касках, снующими по квартирам снизу вверх, – к новогодним праздникам, когда закрывался финансовый год. Обычно горела «Галантерея», занимающая два нижних этажа на самом углу их дома, прямо под квартирами подъезда номер 4. Горела всегда она и только она. Кто-то из продавцов или служащих оставлял без присмотра кипяtilьник, аккуратно положенный на бухгалтерские отчеты, или вдруг тлеющий бычок случайно падал в папку с документами, и пошло-поехало – дым, гарь, вонь по всему подъезду, разгоряченный и запыхавшийся Василий, яростно стучащий в дверь (электричество сразу вырубали), темень, беготня пожарных по подъезду и Крещенские, прилипшие к окнам, чтобы понаблюдать за суетой пожарных машин у Почтамта. Пожарное явление это было довольно частым и не вызывало в подъезде большого ажиотажа. Наоборот, вносило в жизнь толику экстравагантности и романтизма. «Опять пожар?» – якобы скучающе, но при этом томно говорила Лидка, потягивая носом, когда чувствовала запах гари. Потом шла мочить тряпку и укладывала ее у входной двери, чтобы дым не особо валил в квартиру. И все ждала и ждала пожарных, а когда те приходили, глаз ее начинал блестеть, как начищенные пожарные каски, и сердце трепетало от невозможной красоты парней, даже если их лица прятались за противогазами. Но это был тот случай, когда форма решала все! И Лидка каждый раз ждала этих высоких, почти опереточных ребят, которые своими касками и резиновыми хоботками очень украшали будни, а иногда и новогодние праздники! Но все равно зорко следила, чтобы они, когда выходили из квартиры, не прибрали что-нибудь к рукам. А как же, плавали, знаем, подмигивала она.

На тумбочке, покрытой обшарпанной, некогда цветастой клеенкой, прямо около самого лифта, Крещенским оставляли письма, которые приходили не с почтой, а которые приносили просто так. Те товарищи, кто приносил эти письма «просто так», часто требовали разрешить им подняться в квартиру и вручить их адресату лично. Надо отдать должное Нине Иосифовне, несмотря на все ее странности, служебные функции она выполняла исправно – подняться чужим она почти никогда не давала, за редким исключением, и выгоняла их из подъезда сразу, как только они вручали ей корреспонденцию. Но все равно эти пришлые часто оставались караулить Крещенского у подъезда. Женщины с детьми, например, которых Роберт срочно должен был признать своими. Такие выстаивали часами, притаившись в ожидании где-нибудь за машиной, а потом, налетев на него как коршуны, начинали кудахтать, стыдить, убеждать, доказывать его мифическое отцовство.

– Вон, родинка у ребенка, видите? Видите, значит, ваш сын! Вы же были в шестьдесят восьмом году в Курске со стихами? Были! Значит, Матвейка ваш!

Роберт все сразу понимал – не единичный случай – и спокойно давал денег на обратный билет с чаевыми. Вопрос отцовства чаще всего отпадал сам собой.

Заявлялись и поэты, которые претендовали на авторство, и часто отделаться от них было намного сложнее.

Как-то промозглым весенним вечером к подъезду подошел человек с портфелем, в костюме и даже в шляпе. Сначала пообщался с лифтершей, потом стал курить у подъезда, ждать, пока подъедут Роберт с Аллой:

– Роберт Иванович! Добрый вечер! Мне надо с вами поговорить! – Мужчина ежилась на ветру, и видно было, что стоит он тут уже порядочно. Его светлые, почти белесые глаза бегали, суетились, руки тоже были беспокойны. – У вас найдется для меня минутка? – интеллигентно спросил он.

Роберт посмотрел на Аллу и подтолкнул ее к подъезду, давая понять, что лучше зайти внутрь от греха подальше. Но Алла мужа в сомнительных ситуациях никогда не бросала и решительно осталась, чтобы задавить чужака численным превосходством.

– Слушаю вас. – Роберт не очень любил все эти приходы, но куда уже было деваться, пришел, надо выслушать, делать нечего.

Мужчина немного помялся и сказал, резко перейдя на «ты»:

– Роберт, послушай меня! Я все продумал.

– Что именно?

– То, как мы будем жить дальше. Я так больше не могу! Неужели тебе не стыдно? Неужели совесть не мучает? Зачем ты вынимаешь из моей головы стихи и выдаешь за свои?! И делаешь это ночью, когда я сплю и совершенно не могу тебе противостоять.

– То есть вы считаете, что я прихожу к вам ночью, вынимаю из вашей головы стихи и выдаю за свои? – сразу нашелся Роберт. – А как же я это делаю? Вы что-то чувствуете?

Мужчина замешкался и недоуменно посмотрел на Крещенского.

– Не делай вид, все ты прекрасно знаешь! У тебя целая технология, я уверен! В твоих стихах я слышу мои самые лучшие строчки! Это мне первому пришло в голову так написать о войне, это была моя история, именно моя – «был он рыжим, как из рыжиков рагу»! А вот это, мое самое любимое:

А когда он упал – некрасиво, неправильно,
в атакующем крике вывернув рот,
то на всей земле не хватило мрамора,
чтобы вырубить парня
в полный рост!

– Да и не только это, весь «Реквием» тоже мой! «Помните! Через века, через года помните!» – мужчина поднял шляпу вверх и стал читать громко, пафосно, горделиво поглядывая на Роберта, мол, ну, как я написал, узнаешь?

– Ладно, я больше так не буду. Никогда, – вдруг совершенно неожиданно для себя самого ответил Роберт, и эта детская успокаивалка волшебным образом подействовала и на пришедшего.

– Спасибо, Роберт, я знал, что мы придем к консенсусу.

И все. Развернулся и быстро пошел прочь, словно добился того, ради чего пришел.

Много народа заявлялось, народная тропа не зарастала, и это стало вполне привычным явлением, некоторой отличительной чертой этого адреса.

Ирка Королёва

Катерина оканчивала школу, и, несмотря на то что добираться до нее надо было теперь порядочно – где Горького и где Кутузовский, – вопрос о переходе в другую, которая под самым боком, на Герцена, конечно же, не стоял. Друзья, учителя, привычки, отношения – куда все это прикажете деть? Да и от лучшей подруги Ирки Королевой, той, что с первого класса рука об руку, бок о бок, плечом к плечу, трудно было оторваться. Девчонкой она была хоть и милой, но отлётистой, и ее ангельская внешность была абсолютным контрастом острому язычку. Могла сказануть так сказануть, за словом в карман не лезла. И пахло от нее всегда почему-то печеньем курабье. Она часто и подолгу засиживалась теперь у Крещенских на Горького, ведь ее родители-геологи стали много мотаться по экспедициям, а Ирке дома было одиноко. Тем более маленькая Катина сестричка очень оживляла жизнь. Девчонки не спускали ее с рук, нянчили, баловали, особенно когда нянька-церберша была занята на кухне. Так-то она всех к Лиске ревновала, начиная с родной матери и кончая сестрой. Но больше всего доставалось Кате – как нянька увидит руки, протянутые к сестренке, так зашипит, едко зыркнув: не трогай рабенка, положи на место, не мешай, иди делать свои уроки – и встанет над мелкой, как ошипанная наседка, раскинув облезлые крылья и прикрыв ее своим немощным тельцем. Девчонкам приходилось довольствоваться малым, но и за это недолгое время, что им удавалось урвать в Нью-кино отсутствие, они вдоволь успевали натютюшкаться с Лиской. А когда Ира оставалась у Кати ночевать – случалось и такое, – счастью не было предела: сказки, рассказанные сестренке на ночь, простые, легко запоминающиеся стишочки, совершенно забытые колыбельные в нежном, чуть слышном Иркином исполнении, раннее пробуждение девчонок по первому пробному Лискиному зову и ее сладкие улыбки, милое воркование, кокетливые светлые глазки, все еще восхитительный запах от ее пушистого темечка – все это удваивало девичьи инстинкты, будоражило, пробуждало их женскую сущность. Они часто гадали, сколько народят детей, сколько будет мальчиков, сколько девочек, выбирали ребенычи имена, думали, кем их дети станут.

А еще по ночам зачитывались похождениями восхитительной Анжелики. По большому благу достали роман Анн и Сержа Голон «Анжелика – маркиза ангелов», это такое девичье пособие, помогающее разбудить пока еще дремлющую чувственность. Это было похлеще, чем «Три мушкетера», даже намного более подходящее чтение для неокрепшего девчоночьего возраста. «Он чувствует, как чуткие руки жены судорожно упираются в его плечи, – с придыханием и чуть запинаясь читала вслух Катя, – отталкивают его, но он только крепче обнимает ее, не в силах отпустить, оторваться от нее. И хотя мысли Анжелики блуждают где-то вдали от него, в бесплодном одиночестве, тело ее совсем рядом с его губами, и Жоффрей не может отказаться от ее влекущей красоты, даже если она вся сжимается под его поцелуями, даже если этот ее отказ раздражает его и в то же время разжигает в нем еще более страстное желание...»

Второклашки Катя и Ирка

Как можно было спокойно уснуть после такого... Но больше всего девчонки любили, когда Катины родители куда-то уезжали, поохотиться на привидение, которое, по тайным рассказам Лидки, жило в чуланчике у Робочки в кабинете. Ночью, тихонечко прокрадываясь в папин кабинет мимо Лидкиной комнаты, чтобы ее, не дай бог, не разбудить, они шарахались от любой тени и вздрагивали от малейшего скрипа и, добравшись наконец, куда надо, засаживались на диванчик в угол кабинета в ожидании неизвестно чего. Катя на всякий случай всегда мусолила в руках выключатель от настольной лампы, чтобы, если приспичит, осветить комнату и прогнать страх, а Ирка снимала со стенки – Катя разрешала – африканское копье, чтобы в критической ситуации было чем отбиваться. Но совсем уж критических ситуаций не было и случая отбиваться пока не представлялось. Однажды только в чуланчике кто-то глубоко и протяжно вздохнул, девочки хором вздрогнули, но решили списать этот звук на затормозившую под окнами внизу машину. Зато с тех пор поверили во что-то таинственное и больше засаду на призраков не устраивали, береженого бог бережет, решили.

Лидка, Лидия Яковлевна, Ирку любила, выделяла среди других Катиных подруг и сильно, очень по-бабушкиному жалела, переживая из-за вечной ее неприкаянности и никому ненужности.

Неординарная, живая, часто смешная и смешливая, в общем, как казалось Кате, совсем не от мира сего, а скорее из какой-то сказки, Ирка очень привлекала к себе людей, выделяясь из серой невзрачной толпы ровесников невероятной яркостью и самобытностью. Этой необычностью она и притягивала Катю. А еще был у нее небольшой милый тик – она непроизвольно подмигивала одним глазом, словно хотела что-то сказать, но не здесь и не сейчас. Позже. И выглядело это очень по-заговорщицки. Голос имела звонкий и какой-то неземной, могла взять и ни с того ни с сего запеть в метро, нежно, по-ангельски, просто так, от скукоты:

На окраине где-то города
Я в убогой семье родилась,
Горе мыкая, лет пятнадцати
На кирпичный завод нанялась.
Было трудно мне время первое,
Но зато, проработавши год,
За веселый гул, за кирпичики
Полюбила я этот завод!

Граждане в вагоне сначала опасливо оглядывались и даже шарахались, но быстро прониклись к милой девочке, к ее ясному и чистому голосу и даже к кирпичному заводу, начинали слушать с интересом и участием.

На заводе том Сеньку встретила...
Лишь, бывало, заслышу гудок,
Руки вымою и бегу к нему
В мастерскую, набросив платок.
Каждую ноченьку мы встречались,
Где кирпич образует проход...
Вот за Сеньку-то, за кирпичики
И любила я этот завод...

Знала таких песен бессчетное множество, откуда все они вошли в ее такой недетский репертуар, Катя долго не могла понять, хоть и спрашивала, пока наконец сама Ирка как-то не призналась, что их ей пела бабушка вместо колыбельных. А бабушка-то у нее была будь здоров – Ирка рассказывала о ней с гордостью, словно о живом сказочном персонаже, скорей всего, они и были с ней из одной сказки.

Просидела и промоталась Иркина баба Люба десять лет по тюрьмам и ссылкам якобы за растрату, а на самом деле решили на предприятии сделать ее крайней, обычное дело – рядовой бухгалтер часового завода, начальство проворовалось, а ее и бросили в пасть зверю. Ирки тогда еще и на свете не было. В семье это, конечно, скрывали, стыдились такой героической семейной биографии, но времени сколько уже прошло, почему бы лучшей подружке-то об этом не рассказать. Так Катя после очередной Иркиной арии о несчастной блатной любви узнала все заодно и про бабулю.

Отбив положенное, бабушка вынесла на волю много всего любопытного, тщательно уложив в голову целую коллекцию тюремных и матерных песен, словно они были аккуратно записаны по номерам. А Ирка, напичканная с детства таким фольклорным богатством, щедро делилась им с окружающими. Один раз внезапно спела у Крещенских, когда именитые гости

восседали за столом, – те прямо рот открыли! А там сплошь композиторы да певцы, все значительные и штучные, отродясь подобного не слышали, чтоб такая молодая да настолько проникновенно спела, с такой душой и чувством, еще и невероятно чисто, словно все возможные консерватории уже окончила. А было-то Ире лет пятнадцать всего, самородок. Исполнила она тогда гостям две песни, Алла Борисовна попросила, Катина мама, хотела похвастаться юным дарованием, ну и знала, конечно, чем удивить таких именитых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.